

КЛЕЙМО ЗАТМЕНИЯ · КНИГА ПЕРВАЯ

МЕЧЕНАЯ

*Тьма внутри неё — не проклятие.
Просто никто не сказал ей правду.*

АГАТА СТУЖИНА

Агата Стужина

Меченая

«Автор»

2026

Стужина А.

Меченая / А. Стужина — «Автор», 2026

Ясна всю жизнь считала себя обычной сиротой из приграничной Вербовки — пока не спасла подругу от Морока тьмой, вырвавшейся из неё самой. Город, вырастивший её, в тот же день назвал её заражённой и потребовал сдать Ордену Пламени на «очищение» — обряд, который, как ей вскоре откроется, не лечит Меченых, а высасывает из них силу дочиста. Спасаясь бегством, Ясна находит приют у тайного Дома теней — таких же, как она, — и учится не бояться собственного дара под присмотром суровой наставницы. Но по её следу идёт Сорен, боец элитной Пепельной стражи, — и когда Дознаватель Кассий берёт в заложницы единственную подругу детства Ясны, ей придётся выбрать между безопасностью убежища и ценой, которую она готова заплатить за тех, кого любит. Клеймо на её коже — не проклятие, как учит Орден. Вопрос лишь в том, кто узнает правду первым: сама Ясна — или те, кто уже давно охотится не просто за очередной Меченой, а за чем-то куда более редким, что скрыто в ней самой.

© Стужина А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1. Обычный день в Вербовке	6
Глава 2. Заражённая	8
Глава 3. Бегство	10
Глава 4. Погоня	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Меченая

Глава

Часть первая. Пробуждение

Глава 1. Обычный день в Вербовке

Вербовка просыпалась медленно, будто нехотя, — так просыпаются города, которым нечего ждать от нового дня, кроме того же, что было вчера. Туман ещё держался в низинах у реки, цеплялся за ивовые заросли, из которых город и получил своё имя, и пах он не утренней свежестью, а сырой землёй и чем-то едва уловимо металлическим — привычный, никем уже не замечаемый запах близости Раздела.

Ясна знала этот запах с рождения. Знала так же хорошо, как знала, что хлеб у пекаря Радима черствеет к полудню, а колокол на сторожевой башне звонит дважды в час — не потому, что кто-то следит за временем, а потому что звонарь боится тишины больше, чем лишней работы.

— Ты меня вообще слушаешь? — Милка ткнула её локтем в бок, не отрываясь от прилавка с лентами. — Я говорю, красную возьму или синюю?

— Синюю, — сказала Ясна, не глядя.

— Ты даже не посмотрела!

— Мне и не нужно смотреть. Ты всегда берёшь синюю, жалуешься, что тебе не идёт, и через месяц покупаешь такую же.

Милка фыркнула, но синюю ленту всё же взяла — расплатилась двумя мелкими монетами и тут же вплела её в косу, не отходя от прилавка, рассматривая своё отражение в начищенном медном блюде, которое торговец держал специально для таких, как она.

Рыночная площадь Вербовки была небольшой, но по утрам многолюдной: сюда стекались и городские, и те немногие семьи, что ещё держали хозяйства на самой окраине, у пограничных полей, откуда до видимой полосы Раздела было меньше получаса ходьбы. Разговоры здесь текли ровно, привычно — цены на зерно, слухи про новую подать, чья-то свадьба, — и лишь изредка, будто случайно, кто-то ронял в разговор слово «Мороки», и все на миг замолкали, а потом снова возвращались к зерну и подати, потому что жить с оглядкой на разлом каждую минуту было попросту невозможно. Вербовка давно научилась бояться дозированно — иначе бы никто здесь не выжил дольше сезона.

Ясна помогала матери Милки на пекарском развале с раннего утра — привычка, оставшаяся с тех пор, как самой Ясне некому стало помогать дома. Дом у неё, впрочем, ещё оставался: маленький, наполовину пустой, с холодной с прошлой зимы половиной очага, — но назвать его домом в том смысле, в каком это слово произносила Милка про свою большую, шумную семью, у Ясны не поворачивался язык. Дом был там, где были родители. Родителей забрал Раздел одиннадцать лет назад, когда Мороки в последний раз прорывались настолько далеко, чтобы дойти до самой Вербовки, — и с тех пор слово «дом» для Ясны означало просто крышу, под которой она спала.

— Смотри, опять Освальдовы гуси разбежались, — сказала Милка, показывая на суматоху у дальнего края площади, где какой-то мальчишка безуспешно гонялся за длинношеей птицей. — Третий раз за неделю.

— Значит, чует что-то, — рассеянно ответила Ясна.

— Гуси вечно чуют. Они и позапрошлой зимой чуяли, когда просто гроза шла.

Ясна не ответила. Она вообще давно перестала спорить с городской народной мудростью насчёт гусей, коров и колодезной воды — Вербовка верила в десятки примет, предсказывающих активность Раздела, и через раз хотя бы одна из них действительно срабатывала, что только укрепляло веру во все остальные разом.

Но что-то в это утро всё же было не так. Ясна не могла бы сказать, что именно, — просто где-то под рёбрами, в месте, для которого у неё никогда не находилось названия, шевельнулось знакомое, неприятное чувство: будто воздух вокруг стал чуть плотнее, чем должен. Она ощу-

щала нечто подобное и раньше — редко, мимолётно, всегда списывая на усталость или голод. Сейчас чувство было отчётливее, чем когда-либо.

Она обернулась к реке, туда, где туман ещё не рассеялся.

Колокол на сторожевой башне ударил один раз — вне обычного счёта.

Секунду площадь ещё жила прежней утренней жизнью: кто-то торговался, кто-то смеялся, мальчишка всё гонялся за гусем. А потом ударил второй, третий, четвёртый раз подряд, без пауз, и этот рваный, панический перезвон Ясна тоже знала с детства — тревога, настоящая, не учебная.

— Разлом, — тихо сказала она.

Милка уже не улыбалась.

Крик донёсся со стороны пограничных полей — сначала один, потом сразу несколько, и в следующее мгновение площадь превратилась в хаос: торговцы хватили товар и детей одновременно, кто-то опрокинул прилавок с лентами, медное блюдо со звоном покатилося по камням. Ясна успела увидеть, как со стороны реки, сквозь редящийся туман, к городу движется тень — не одна, несколько, низкие, стелющиеся по земле, будто дым, который зачем-то решил стать твёрдым.

Мороки не приходили в Вербовку годами. Их истории пересказывали, ими пугали детей, но живьём их видели немногие из тех, кто сейчас находился на площади, — и потому паника вышла не организованной, а звериной, слепой: люди бежали, не разбирая дороги, натываясь друг на друга.

— Милка!

Ясна потеряла подругу из виду на секунду — толпа вынесла Милку в сторону, к перевёрнутым прилавкам, — и когда снова увидела её, поняла, что случилось самое худшее: Милка упала, запутавшись в собственной юбке между обломков прилавка, а один из Мороков — самый быстрый, самый близкий — уже был в десяти шагах и стремительно сокращал расстояние, не сворачивая.

Ясна не помнила, как оказалась рядом. Не помнила, как между ней и тварью не осталось никого — только помнила, как что-то внутри неё, то самое чувство из-под рёбер, вдруг перестало быть просто чувством и стало силой, хлынувшей наружу так резко, что у неё самой перехватило дыхание, будто из лёгких разом выкачали весь воздух.

Тень сорвалась с её рук — не свет, а именно тень, живая, густая, плотнее самой темноты, — и ударила Морока в грудь с такой силой, что тварь отлетела назад, покатилаясь по камням площади и застыла, дёргаясь, оплетённая чем-то, что напоминало живые чёрные корни, проросшие прямо из воздуха.

На площади стало тихо. Даже колокол, казалось, на миг сбился с ритма.

Милка смотрела на неё снизу вверх — не на Морока, обездвиженного в десяти шагах, а на саму Ясну, на её руки, из которых всё ещё сочилося, истончаясь, чёрное марево, — и в этом взгляде не было благодарности. Было что-то другое, что-то, от чего у Ясны похолодело внутри куда сильнее, чем от вида поверженной твари.

Страх. Милка смотрела на неё так, как минуту назад смотрела на Морока.

— Ясна... — прошептал кто-то из толпы, и имя прозвучало не как имя, а как обвинение. — Она же...

Договорить никто не решился. В этой тишине, разбавленной сдавленным гудением обездвиженного Морока, слово и не требовалось — все на площади уже поняли то же самое, что в этот момент понимала сама Ясна, глядя на собственные дрожащие ладони.

Она — Меченая.

Глава 2. Заражённая

Тварь на площади так и не пошевелилась — то ли действие тени продержалось дольше обычного, то ли сама Ясна, не разбираясь, что делает, каким-то образом удерживала её неподвижной. Она стояла, опустив руки, и чувствовала, как марево между пальцами гаснет само собой, будто устыдившись содеянного, а вместе с ним уходила и та странная, пугающая ясность, которая на секунду охватила её в момент удара.

Милка поднялась сама, без её помощи. Отступила на шаг.

— Ты... — начала она и замолчала.

Вокруг них уже собиралась толпа — не тесным кольцом, а рваным, осторожным полукругом, будто люди боялись подойти ближе, но и уйти не могли, зачарованные страхом пополам с любопытством. Ясна узнавала эти лица: пекарь Радим, торговка лентами, мать троих детей с дальней улицы, старик, который каждое утро сидел у колодца и рассказывал одну и ту же историю про свою молодость. Все они знали её всю жизнь. Никто из них сейчас не смотрел на неё, как на человека, которого знали всю жизнь.

— Она спасла Милку, — сказал кто-то неуверенно из задних рядов — голос принадлежал матери Милки, единственной, кто, кажется, готов был заступиться. — Вы что, не видели? Тварь бы её...

— Она наколдовала, — оборвал её пекарь Радим, и в его голосе дрожала не злость, а именно тот сорт паники, который толкает людей на жестокость быстрее любой ненависти. — Тенью. Она сделала это тенью, как...

Он не договорил, но все и так поняли, что он имел в виду. Истории про Меченых рассказывали в Вербовке нечасто, но рассказывали всегда одинаково: заражённые Часом Затмения, несущие в себе частицу того же зла, что породило разлом и Мороков, — опасные, непредсказуемые, которых Орден забирает для очищения, спасая тем самым и их самих, и всех вокруг.

Ясна знала эти истории так же хорошо, как знала запах тумана над рекой. Она никогда не задумывалась, верит ли в них, — просто жила внутри мира, где они считались правдой, как жила внутри мира, где Мороки существуют, а зима холодная. И теперь этот же мир смотрел на неё десятками испуганных глаз и явно ждал, когда она хоть чем-то подтвердит все свои худшие подозрения.

— Я не хотела, — сказала она, и голос предательски дрогнул. — Она падала, и тварь...

— Никто тебя не винит, дитя, — сказал новый голос, спокойный, поставленный, привыкший, чтобы его слушали без перебивок.

Дьякон Ордена Пламени в Вербовке — отец Иллариий, немолодой, с вечно скорбным выражением лица, будто он с рождения носил траур по всему миру разом, — вышел из толпы так, словно все расступались перед ним по праву, а не из страха. Он не подошёл ближе положенных нескольких шагов, но и не отступил, глядя на Ясну с выражением, в котором искренне мешались тревога и что-то похожее на облегчение — облегчение человека, чья картина мира наконец получила подтверждение.

— Никто не винит тебя в том, кем ты родилась, — повторил он. — Час Затмения оставил свой след на многих не по их вине. Орден существует не для того, чтобы карать невинных, а чтобы очистить их от скверны, которая иначе рано или поздно возьмёт верх. Ты видела сейчас сама, дитя, — метка отзывается на страх, на гнев, на любое сильное чувство. Сегодня она спасла подругу. Что будет в следующий раз, когда чувство окажется другим?

Толпа за его спиной одобрительно загудела — не потому, что кто-то специально согласился, а потому, что слова дьякона давали людям то, в чём они сейчас отчаянно нуждались: простое объяснение и понятное решение.

— Я отправлю весть в обитель сегодня же, — продолжил отец Илларий, и в этих словах, произнесённых мягко, почти по-отечески, Ясна услышала настоящий приговор куда яснее, чем если бы он кричал. — Тебя заберут для очищения, дитя. Это не наказание. Это милость.

Ясна почувствовала на своей руке пальцы Милки — та наконец подошла ближе, хотя и не решалась взять её за руку до конца, держала за рукав, будто боялась обжечься.

— Отец Илларий, — тихо сказала Милка, — она же спасла мне жизнь.

— Именно поэтому, дитя моё, я и говорю о милости, а не о каре, — ответил дьякон с той же ровной мягкостью. — Метка не выбирала твою подругу нарочно творить добро. В следующий раз она может выбрать иначе — и тогда пострадать может кто угодно из вас, здесь стоящих. Чем раньше метку очистят, тем меньше риск для всех, включая её саму.

Он произнёс это так убедительно, так искренне, что часть толпы вокруг уже одобрительно закивала — и Ясна с ужасом поняла, что даже те, кто минуту назад смотрел на неё со страхом, теперь смотрят с чем-то вроде жалости пополам с облегчением: жалости к «бедной заражённой девочке» и облегчения оттого, что решение вопроса взял на себя кто-то другой, а не они сами.

— Когда придёт весть из обители, — сказал отец Илларий, — тебя проводят к нам сами. До той поры оставайся дома. Ради собственной безопасности.

Он не сказал «ради безопасности других» — но все на площади, включая саму Ясну, прекрасно расслышали этот подтекст.

Ясна кивнула — не потому, что согласилась, а потому что не нашла в себе сил произнести хоть слово, — и позволила Милке увести себя с площади сквозь расступающуюся, но не сводящую с неё взглядов толпу.

Только у поворота на свою улицу она наконец рискнула оглянуться. Отец Илларий уже отдавал какие-то распоряжения одному из городских стражников — не тем, что охраняли ворота от Мороков, а тем, что в последние годы всё чаще отчитывались напрямую перед Орде-ном, минуя городского старосту.

Стражник кивнул и быстрым шагом направился в сторону почтовой станции, откуда единственная дорога вела напрямик к ближайшему форпосту Ордена.

«Весть уже отправляют, — подумала Ясна с холодной, отчётливой ясностью, будто эта мысль пришла не изнутри, а откуда-то извне. — Не завтра. Уже сейчас».

Глава 3. Бегство

Дом встретил её обычной тишиной — той самой, к которой она давно привыкла и которую давно перестала замечать, — но сегодня тишина казалась другой, будто дом уже знал, что она здесь ненадолго, и попрощался вместе со всеми остальными.

Ясна прошла в комнату, которая когда-то была родительской, а теперь пустовала, если не считать сундука с немногими вещами, оставшимися от матери. Она никогда прежде не думала, что ей придётся выбирать, что взять с собой, если придётся бежать, — потому что никогда всерьёз не допускала мысли, что придётся бежать. Теперь эта мысль казалась единственной разумной.

Она успела набить котомку хлебом, тёплым платком, огнивом и той малой горстью медных монет, что откладывала весь год, — и уже застёгивала пряжку, когда в дверь без стука вошла Милка.

— Ты с ума сошла, — тихо сказала подруга, прислонившись к косяку. — Отец Иллариий сказал ждать дома.

— Отец Иллариий сказал ждать, пока за мной придут, — ответила Ясна, не оборачиваясь. — Я видела, кого он послал на почтовую станцию. Это не письмо с обычным гонцом, Милка. Это форпост. Может, они пришлют кого-то уже к ночи.

— И что ты будешь делать? Бегать по лесам одна, пока не найдут Мороки?

— Не знаю, — честно сказала Ясна, наконец обернувшись. — Знаю только, что не пойду на очищение добровольно. Ты слышала, что говорят о тех, кто через него прошёл. Половина возвращается сама не своя, другая половина не возвращается вовсе.

Милка молчала — и в этом молчании Ясна впервые за весь день увидела в глазах подруги не только страх, но и что-то похожее на настоящую боль, человеческую, не связанную с Мороками и метками.

— Я думала об этом весь день, — сказала наконец Милка. — Пыталась понять, боюсь я тебя или нет. И знаешь что? Не боюсь. Ты спасла меня сегодня. Просто... — она сглотнула. — Просто я не знаю, как теперь себя вести. Все на площади смотрели, будто ты стала кем-то другим за одну секунду. А ты же всё та же. Ты же моя Ясна, которая всегда берёт не ту ленту, что я прошу принести.

Ясна невольно улыбнулась — коротко, невесело, но искренне.

— Синюю, — тихо поправила она. — Ты всегда берёшь синюю сама.

— Вот именно. — Милка тоже улыбнулась сквозь слёзы, которые до этого момента отчаянно сдерживала. — Ты всё та же.

Они обнялись — коротко, крепко, без лишних слов, потому что оба понимали: у слов сейчас не было той цены, которая была у простого объятия. Ясна почувствовала, как что-то в груди сжимается почти до боли — не страх на этот раз, а нечто более простое и от этого более невыносимое: она уходила из единственной жизни, которую знала, и единственный человек, который остался у неё в этом мире, оставался здесь, в городе, который теперь будет смотреть на саму память о ней с подозрением.

— Иди через задние огороды, — быстро сказала Милка, отстранившись и вытирая глаза рукавом. — К лесу, не к переправе, там сейчас наверняка уже смотрят. И... — она замялась. — Ясна, что бы ни случилось. Я не скажу им, куда ты пошла. Даже если спросят прямо.

— Не давай им повода спрашивать прямо, — тихо ответила Ясна. — Не геройствуй ради меня. Обещаешь?

Милка не ответила — просто кивнула, слишком быстро, чтобы Ясна ей до конца поверила, но времени спорить уже не было. Ясна закинула котомку на плечо, в последний раз обвела

взглядом дом, который никогда по-настоящему не был домом, — и вышла в сгущающиеся сумерки через заднюю дверь, стараясь ступать как можно тише.

Огороды за домом переходили в невысокий пустырь, а тот, в свою очередь, упирался в кромку леса — не густого, приграничного, где деревья росли реже и суше, чем в глубине королевства, будто сама земля здесь помнила близость Раздела и не решалась родить что-то по-настоящему живое. Ясна знала эту тропу с детства — знала каждый поворот, каждый корень, о который легко споткнуться в темноте, — и именно поэтому решение свернуть здесь, а не к переправе, показалось ей единственно верным.

Она успела пройти едва ли треть пути через пустырь, когда почувствовала на себе взгляд.

Не увидела — почувствовала, тем самым чутьём из-под рёбер, которое теперь, после площади, уже не получалось списать на усталость. Она замерла, вглядываясь в темноту у края леса, и через несколько долгих секунд разглядела силуэт — неподвижный, слишком неподвижный для случайного прохожего, стоящий там, где тропа выходила из-за последних кустов.

Силуэт был не в форме городской стражи. Плащ, пряжка на груди в форме чего-то похожего на языки застывшего пламени, поза человека, который привык стоять неподвижно часами, если того требует задача.

Ясна похолодела.

Орден добрался до Вербовки быстрее, чем она рассчитывала, — не к ночи, а уже сейчас, ещё до заката, — и путь через лес, единственный путь, который она считала безопасным, уже был перекрыт.

Глава 4. Погоня

Она не стала ждать, пока фигура у леса шевельнется первой. Развернулась и бросилась в сторону, противоположную дому, — туда, где пустырь переходил в редкий кустарник вдоль русла, ведущего к дальней переправе, той самой, о которой предупреждала Милка.

Выбора у неё не осталось: либо переправа, кишачая, по словам Милки, глазами Ордена, либо тот, кто ждал у леса. Ясна выбрала бег наугад — и почти сразу поняла, что выбор оказался напрасным.

Шаги за спиной не были торопливыми. В этом крылось что-то куда более пугающее, чем если бы её преследовали бегом, — размеренный, уверенный шаг человека, который точно знает, что жертве бежать некуда, и не собирается тратить силы раньше времени.

Ясна почти достигла кромки воды, когда голос за спиной произнёс, негромко, но так, что каждое слово долетело отчётливо, будто он говорил прямо у неё над ухом:

— Дальше только река. Ты не переплывёшь её в такой темноте, а если и переплывёшь — на том берегу уже трое моих людей. Остановись, и никто не пострадает.

Ясна замерла у самой кромки воды, обернулась.

Он оказался моложе, чем она представляла себе бойцов Пепельной стражи по рассказам, — лет двадцати с небольшим, высокий, с коротко стриженными тёмными волосами и лицом, на котором не было ни злобы, ни азарта охоты, только ровное, почти будничное спокойствие человека, выполняющего привычную работу. Пряжка на его груди в свете поднимающейся луны действительно напоминала язык застывшего пламени — знак Ордена, но не тот, простой, что носили обычные дьяконы и стражники на местах. Этот был темнее, суровее, будто выкованный отдельно для тех, кому доверяли не проповедовать, а ловить.

— Тебя послал отец Илларий, — сказала Ясна, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Меня послал форпост, — ответил он ровно. — Отец Илларий только отправил весть. Форпост среагировал сам, как только узнал, о ком речь.

— Обо мне так много известно наперёд?

Что-то в его лице на мгновение дрогнуло — едва заметно, но Ясна успела заметить, — будто он и сам не ожидал, что дело окажется настолько срочным для форпоста, но тут же вернул лицу прежнюю ровность.

— Меня зовут Сорен, — сказал он вместо ответа. — Я не желаю тебе зла. Очищение — не казнь, что бы ни говорили о нём беглецы. Пойдём со мной по-хорошему, и я обещаю: с тобой обойдутся мягче, чем с теми, кто сопротивляется.

— С теми, кто вернулся, — тихо сказала Ясна, вспомнив слова, которые слышала всю жизнь, но по-настоящему осознала только сегодня. — А что насчёт тех, кто не вернулся вовсе?

Сорен не ответил. Его молчание сказало больше, чем сказали бы любые слова, — и это молчание решило дело за Ясну быстрее, чем она успела обдумать хоть что-то разумное.

Он шагнул вперёд.

Страх, тот самый, что утром на площади вырвался наружу тенью и спас Милку, снова шевельнулся под рёбрами — но на этот раз Ясна испугалась не Морока и не за чужую жизнь, а за собственную свободу, и от этого чувство внутри неё оказалось иным: не порывом защитить кого-то, а слепой, почти животной жадой не дать себя схватить любой ценой.

Тьма выплеснулась из неё раньше, чем она успела осознать, что делает.

На этот раз она не ударила единой волной, как утром, — расползлась неровно, хаотично, будто сама не знала, куда бить, вздыбилась из земли корнями и тенями сразу в нескольких местах вокруг неё, опрокинула Сорена с ног, разметала прибрежные камни, вспугнула стаю ночных птиц так, что те с криком сорвались с ближайших деревьев.

Сорен упал, но тут же перекатился, вскакивая на ноги с ловкостью, которая ясно говорила: подобное с ним случилось не впервые, — и всё же на несколько драгоценных секунд хаос, устроенный собственным телом Ясны, дал ей достаточно времени, чтобы броситься в воду, туда, где русло сужалось и мельчало ближе к перекату, о котором знали лишь местные.

Она не помнила, как перебралась на другой берег — помнила только холод воды, обжигающий, забивающий дыхание, и то, что где-то позади Сорен что-то крикнул своим людям, но крик прозвучал уже дальше, чем ей казалось безопасным ждать, чтобы проверить.

Выбравшись на противоположный берег, мокрая, дрожащая, она наконец позволила себе остановиться на секунду — ровно настолько, чтобы взглянуть на собственные руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.